

Александр Строев

(Франция)

Нино Гагашавили, Тата Оболадзе

(Грузия)

Жозеф де Местр и Грузия: судьба одной неизвестной рукописи

В Тбилисском Институте рукописей хранится анонимная рукопись на французском языке, названная в описи «Три масонских трактата» (Varia, n° 8). Она переплетена как книга: картонный футляр, кожаный переплет, мраморная бумага на форзаце, тиснение на корешке «Les voies de la sagesse» («Пути мудрости»). Видимо, изначально она находилась в частной, хорошо подобранной библиотеке и, наверное, вместе с другими подобными сочинениями. В Институт рукописей она поступила при его создании в 1958 г., из Государственного музея. Музейный шифр Н 675 позволяет установить, что рукопись ранее принадлежала Грузинскому Историко-этнографическому обществу, созданному в 1907 году в Тифлисе по инициативе Эквтиме Такаишвили. Его коллекция формировалась за счет покупок и частных пожертвований.

Трактатам предпослана «Заметка о трех нижеследующих речах» («Note sur les trois discours suivants»), написанная другим автором и датированная: «S^{ic} (sic) Pétersbourg 9/21 Février 1810» («С-Петербург 9/21 февраля 1810»). Имена обоих сочинителей в рукописи не значатся, но установить их несложно. Трактаты «Пути мудрости», «Земные законы божественного правосудия», «Трактат о благословениях» («Les voies de la sagesse», «Les lois temporelles de la justice divine», «Le traité des Bénédiction») принадлежат перу «неизвестного философа» (philosophe inconnu) Луи-Клода де Сен-Мартена (Louis-Claude de Saint-Martin, 1743-1803), властителю дум европейского и русского масонства, а предисловие – дипломату и философу Жозефу де Местру (Joseph de Maistre, 1753-1821), который с 1803 г. по 1817 г. был посланником королевства Сардинии в России. Трактаты были созданы в 1770-е гг. и распространялись в списках в масонских кругах. Впервые они были опубликованы в 1807 г. во Франции племянником Сен-Мартена, Турнье (Tournier)¹ Предисловие сохранилось у потомков **графа Жозефа де Местра** и было напечатано в 1895 г.², но не привлекло интереса исследователей.

Чтобы уяснить назначение рукописи, начнем с ее происхождения, затем очертим круг ее адресатов и цель распространения, проведем текстологический

¹ Œuvres posthumes de M. de Saint-Martin, Tours, Letourmy, 1807, 2 vol.

² Clément de Paillette, *La politique de Joseph de Maistre d'après ses premiers écrits, mémoire contenant plusieurs lettres et fragments inédits*, [Paris], A. Picard et fils, 1895, p. 56-58.

анализ («la critique génétique»), который поможет определить место рукописи в творчестве **Жозефа де Местра**, а в заключение, зададимся вопросами: кто были ее владельцы и читатели, как она попала в Грузию и кого она могла интересовать?

Граф де Местр и Сен-Мартен

Жозеф де Местр был посвящен в масоны в двадцать лет, в 1773 г. в Турине, или, по другим сведениям, в родном городе Шамбери в Савойе, которая в ту пору входила в состав Сардинского королевства. Он довольно быстро восходил по ступеням: в 1774 г. великий оратор, в 1778 г. 1-й надзиратель старой и почтенной ложи «Святого Иоанна Трех ступ» (Saint-Jeandes Trois Mortiers) в Шамбери. Около 1776 г. Жозеф де Местр сблизился с мистическим, тамплиерским масонством, кое проповедовал в Лионе Жан-Батист Виллермоз (Jean-Baptiste Willermoz) и сторонником которого был Сен-Мартен. Посещал собрания в Лионе, был посвящен в степень Рыцаря Благотворительности Святого града. Он, как многие в ту пору, занимался магнетизмом, а также, видимо, астрологией и вызыванием духов. В 1778 г. Местр основал в Шамбери мартинистскую ложу «Полная искренность» (La Parfaite Sincérité), в 1779 г. он – великий префект и цензор коллегии в Шамбери; член Шотландской директории в Оверни (Лион)¹. Как пишет Антуан Февр, переписка с Виллермозом (с 1779 г.) свидетельствует о том, что Местр, сравнительно рано получив тайные мистические наставления, не удовольствовался ими, но не был посвящен в высшую степень Розенкрейцера².

В июле 1782 г. Местр послал «Памятную записку» («Mémoire au duc de Brunswick») герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, главе европейского масонства, который собрал на конвенте в г. Вильгельмсбаде (Convent de Wilhelmsbad) делегатов немецких и французских лож. Местр предложил реформировать масонство и ввести три уровня: первый будет заниматься людьми, второй – религией, третий – таинствами веры. Первая ступень соответствует «синим» (начальным) ложам, их цель – братская помощь, благотворительность, изучение морали и политической экономии. Цель лож второй ступени: просвещение правительств разных стран объединение всех христианских церквей, католических и протестантских. Цель третьей, мистической ступени: поиск «откровения откровений», тайного смысла Библии; «трансцендентное христианство»³. Конвент принял тамплиерскую сис-

1 Серков А. И., Русское масонство, 1731-2000, Москва, РОССПЭН, 2001, с. 993; Daniel Ligou (dir.), *Dictionnaire de la franc-maçonnerie*, 2e éd., Paris, PUF, 2006, p. 745-746; Jean-Marc Vivenza, *Entretiens spirituels et écrits métaphysiques*, Grenoble, Le Mercure Dauphinois, 2017.

2 Antoine Faivre, «Joseph de Maistre et l'illuminisme : rapports avec Jean-Baptiste Willermoz», *Revue des études maïstriennes*, Paris, 5-6 (*Illuminisme et Franc-Maçonnerie*, 1980), p. 125-132 ; Jean Rebotton, «Maistre, alias Joseph a Floribus, pendant la Révolution : repères et conjectures», *Ibid.*, p. 141-181.

3 См. *Écrits maçonniques de Joseph de Maistre et de quelques-uns de ses amis francs-maçons*, éd. Antoine Faivre, Jean Rebotton, Genève, Slatkine; Paris, Champion, 1983 и рецензию на него

тому Виллермоза. Предложения графа де Местра, который не был в числе депутатов, потонули среди других; возможно, герцог Брауншвейгский не успел прочесть их.

Осенью 1787 г. Сен-Мартен, «неведомый философ», посетил Жозефа де Местра в Шамбери (возможно, они познакомились ранее в Лионе). Местр писал графу Александру де Валлезу (comte de Vallaise), министру иностранных дел Сардинии (СПб, 25 апреля / 7 мая 1816 г.): «Мне в прошлом довелось провести целый день со славным Сен-Мартеном, который через Савою ехал в Италию» («Il m'est arrivé jadis de passer une journée entière avec le fameux Saint-Martin, qui passait par Savoie pour se rendre en Italie»¹). Сен-Мартен приехал в Рим 23 октября 1787 г., а через десять дней к нему присоединились его спутники, князь Борис Голицын и его масонский наставник Карл Фридрих Тиман фон Беренд². В письме к своей сестре Терезе (Шамбери, 12 июля 1790) Жозеф де Местр защищает взгляды философа и его книгу «Человек алчущий» («L'Homme de désir»)³.

В 1791 г. король Сардинии повелел приостановить деятельность масонских лож, считая, что во времена смуты все тайные общества становятся подозрительными. Год спустя революционная Франция аннексировала Савою, все ложи закрылись. Семья Жозефа де Местр была вынуждена покинуть Шамбери, потеряв имения и состояние, и перебраться в Лозанну. Граф был причислен к министерству Иностранных дел Сардинии, занимался пропагандистской и разведывательной деятельностью в Швейцарии, печатал сочинения и памфлеты против французской революции и оккупации Савойи.

В 1793 г. он пишет в памятной записке о масонстве, обращенной к дипломату барону Виньедез Этуалю: «Г-н де Сен-Мартен – французский дворянин лет 35-40, отменно скромного нрава и бесконечно любезный. Я с ним знаком. Ни в манерах, ни в беседе его нет ничего необычного» («M. de Saint-Martin est un gentilhomme français de 35 à 40 ans, de mœurs fort douces et infiniment aimable. Je le connais. On n'aperçoit rien d'extraordinaire dans ses manières ni dans sa conversation», *Mémoire sur la franc-maçonnerie adressé au baron Vignet des Étoiles*)⁴. Граф де Местр должен оправдать себя и савойских масонов, которых при дворе обвиняли в заговоре с французскими оккупантами. Он старательно преуменьшает значение масонства, сводит его к светскому досугу и настаивает на принципиальном различии между французскими мартинистами и баварскими иллюминатами. Однако, граф не выдвигает напрямую против иллюминатов политических обвинений, как он это будет делать впоследствии, а лишь намекает. Правда, он не забывает упомянуть,

Даниеля Лигу: Daniel Ligou, « [CR] Écrits maçonniques de Joseph de Maistre », *Romantisme*, 1985, n°48, p. 112-113.

1 Joseph de Maistre, *Œuvres complètes. Correspondance*, Lyon, Vitte, 1886, t. 13, p. 331-332.

2 Antoine Faivre, *De Londres à Saint-Petersbourg : Carl Friedrich Tieman (1743-1802) aux carrefours des courants illuministes et maçonniques*, [Paris], Archè Milano, 2018, p. 213.

3 J. de Maistre, *Op. cit.*, t. 9, p. 8-9.

4 *Écrits maçonniques de Joseph de Maistre*, p. 123-139. Местр помечает в дневнике: 30 апреля 1793 «дал барону де Винье памятную записку о масонстве», *Les Carnets du comte Joseph de Maistre. Livre Journal. 1790-1817*, Lyon ; Paris, E. Vitte, 1923, p. 30.

как бы в виде курьеза, что ложа в Лозанне переписывается с масонской ложей в Константинополе¹. Барон, покровитель графа де Местра, переслал памятную записку высокопоставленным лицам.

В 1796 г. во время итальянской кампании армия Наполеона Бонапарта громит войска Сардинии и захватывает Пьемонт. В начале 1797 г. Жозеф де Местр печатает свои «Суждения о Франции» (*Considérations sur la France*), где в духе Сен-Мартена, Жака Казота и других мистиков (как об этом писал еще Сент-Бев²), представляет революцию как орудие божественного провидения³. «Суждения о Франции» выходят в тот момент, когда появляется надежда на реставрацию. Как полагает Жан-Луи Дарсель, в отличие от Сен-Мартена, Местр не считает революционные изменения неотвратимыми и доказывает необходимость монархического правления⁴.

Графа отзывают из Лозанны ко двору в Турин и назначают пенсioen в 2000 ливров. 18 сентября 1797 г. он помечает в дневнике, что в нем произошла духовная перемена и все мысли упорядочились, что он начинает новое произведение и нашел свое призвание в 44 года⁵ («Il s'est fait dans moi un changement extraordinaire: d'anciens goûts se fortifient, des idées vagues prennent de l'assiette, des conjectures se tournent en certitudes; aujourd'hui 18 7bre je commence un ouvrage dont je ne connais pas encore le titre. Il me semble que je commence à entrevoir ma vocation – à 44 ans!»). Речь, по всей вероятности, идет о сочинении о протестантизме, в котором Местр видел причину всех бед и, в частности, французской революции («Размышления о протестантизме и его отношении к суверенности», «*Réflexions sur le protestantisme dans ses rapports avec la souveraineté*», 1798); для нас важно, что речь идет о мистическом озарении («illumination»). Год спустя он запишет в «Дневнике»: «Перед тем, как покинуть Турин, я сжег рукопись своих «Савойских писем» написанных в ту пору, когда у меня не было ни малейшего озарения о французской революции, или, лучше сказать, европейской»⁶.

В конце октября 1797 г. Жозеф де Местр ожидает, что король пожалует ему звание государственного советника и орден, но именно в этот момент перехвачен-

1 *Écrits maçonniques de Joseph de Maistre*, p. 139. В XVIII-м веке марсельская ложа Святого Иоанна Шотландского открыла дочерние ложи, объединявшие купцов, во многих средиземноморских городах, в том числе в Константинополе в 1760-гг. (Saint-Jean d'Ecosse de La Parfaite Union), см.: Pierre-Yves Beaurepaire, «Le cosmopolitisme maçonnique», *Cahiers de la Méditerranée*, 2003, n°67, p. 33-50.

2 Sainte-Beuve, «Joseph de Maistre», *Revue des Deux mondes*, t. 3, 1843, p. 313-339 ;

3 Émile Dermenghem, *Joseph de Maistre, mystique. Ses rapports avec le Martinisme. L'illuminisme et la Franc-maçonnerie. L'influence des doctrines mystiques et occultes sur la pensée religieuse* [1923], Plan-de-la-Tour, Éditions d'Aujourd'hui, 1980.

4 Joseph de Maistre, *Écrits sur la Révolution*, éd. Jean-Louis Darcel, Paris, PUF, 1989, p. 14.

5 *Les Carnets du comte Joseph de Maistre*, p. 124.

6 «Avant de quitter Turin, j'ai brûlé le manuscrit de mes lettres savoisiennes composés à une époque où je n'avais la moindre illumination sur la révolution française ou mieux dire européenne», *Les Carnets du comte Joseph de Maistre*, p. 127. Речь идет о «Письмах савойского роялиста к своим согражданам» («Lettres d'un Royaliste savoisien à ses compatriotes», 1793).

ное французской армией и напечатанное в газете письмо к нему от графа д'Аваре (le comte d'Avary) разрушает все его надежды¹.

Как Местр рассказывает в «Заметке о трех нижеследующих речах», именно в это время он переписывает попавшую к нему от итальянского масона рукопись неизвестного автора:

«Они были прочитаны более двадцати лет назад² в обществе людей, много занимавшихся предметами, о коих идет речь. Автор, вовсе мне не знакомый, даже по имени, подарил их пьемонтскому дворянину, который передал мне их в Турине в 1797 г. Воспользовавшись печальным досугом, который предоставили мне сложившиеся обстоятельства, я собственноручно переписал их. Работа была окончена в понедельник 4 декабря указанного года, как я читаю в моем дневнике от 4 декабря 1797 г., с. 110» («Ils furent lus il y a plus de plus de vingt ans dans une société d'hommes qui s'occupaient beaucoup des matières qui en font le sujet. L'auteur que je n'ai jamais connu, pas même de nom, en fit présent à un gentilhomme piémontais qui me les communiqua à Turin, en 1797. Profitant du triste loisir que me donnaient les circonstances, je les copiai de ma main. L'ouvrage fut terminé le lundi 4 X^{bre} de la dite année, comme je vois dans mon journal 4 X^{bre} 1797, p. 110»).

В дневнике сказано: «В понедельник 4 в 9 ч. утра, я кончил переписывать три речи, предназначенные для общества французских иллюминатов. Я начал эту работу 17 июля, и поелику я помечал отведенное на это время, то вижу, что потратил 38 ч. 13 мин. Сочинение любопытное и отменно представляет учение этих господ» («Lundi 4 à 9 h. du matin, j'ai achevé la copie de trois discours, à l'usage d'une société d'illuminés français. J'avais commencé ce travail le 17 juillet, et, ayant tenu note du temps que j'y ai employé, j'ai vu que j'y ai mis 38 h. 13 minutes. Ce morceau est curieux et montre fort bien la doctrine de ces Messieurs»³). Биографы Жозефа де Местра отмечают, что в это время граф погрузился в чтение мистических сочинений.

В том же 1797 г. выходит первое издание «Мемуаров служащих для истории якобинства» иезуита аббата Огюстена Баррюеля (Augustin Barruel, *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*), доказывающего, что французскую революцию осуществила секта, объединявшая клубы якобинцев и масонов, подпавших под влияние баварских иллюминатов, янсенистов и протестантов. Местр возмущается: «Все, что автор пишет о г-не де Сен-Мартене, настолько пропитано ложью и

1 Граф д'Аваре в письме от 28 сентября 1797 г. от имени Людовика XVIII, короля в изгнании, отказался помочь в распространении во Франции «Суждений о Франции» Местра и послал 50 луидоров. Письмо, опубликованное Директорией в качестве доказательства роялистского заговора, компрометировало Местра в глазах его короля, а Сардинию – в глазах Франции, с которой она заключила союз. См.: Joseph de Maistre, *Considérations sur la France*, Paris, Société typographique de Versailles, 1814, p. VI-VII; Joseph de Maistre, *Les Carnets*, p. 125; Степанов М. [Шебунин А. Н.]. *Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. Т. 29/30 [Русская культура и Франция. I]. Москва, Жур.-газ. объединение, 1937. С. 577-726.*

2 Т.е. в конце 1780-х гг.

3 *Les Carnets du comte Joseph de Maistre*, p. 126.

клеветой, что только диву даешься!» («Tout ce que l'auteur dit ausujet de M. de Saint-Martin est si faux, si calomnieux, qu'on a le droit d'en être étonné!»), сентябрь 1801 г.)¹. Однако другие тезисы аббата Баррюеля не так уж далеки от взглядов Местра.

В октябре и ноябре 1797 г. Жозеф де Местр дважды в письмах к графу д'Аваре просит, чтобы Людовик XVIII помог ему получить место наставника при дворе в какой-нибудь северной столице («grande éducation dans quelque cour du Nord»)². Робер Триомф полагает, что речь идет юном короле Швеции Густаве IV, который не скрывал свои масонские пристрастия и в итоге сошел с ума на мистической почве. Якобы именно для его воспитания Местр погрузился в чтение мистических сочинений³. Доказательств этому нет, и даты свидетельствуют, что граф начал переписывать трактаты за несколько месяцев до того. Однако, как мы увидим, через двенадцать лет они пригодились ему в Петербурге для другого мистика, сверстника Густава IV, императора Александра I.

В дальнейшем, королевство Сардинии теряет Пьемонт, захваченный Францией. Новый король Виктор-Эммануил I назначает Жозефа де Местра посланником в Петербург (1803-1817) и тот ревностно отстаивает интересы своего государя, добивается, чтобы тот получал регулярное вспоможение от императора Александра I (успешно), и чтобы королевство Сардинии получило обратно прежние владения (что частично произойдет в 1815 г., после Венского конгресса).

Граф де Местр в Петербурге

Биографы Жозефа де Местра с полным основанием говорят о расцвете масонства в России в начале царствования Александра I, о том, что живы были еще русские масоны, лично знавшие Сен-Мартена, чьи сочинения, добавим, были чрезвычайно популярны в России в 1780-е годы. Они отмечают, что масонами были основные собеседники Местра, которым он посылал свои сочинения и письма: граф Алексей Кириллович Разумовский, министр народного просвещения (с 1810 г.), князь Александр Николаевич Голицын, обер-прокурор Синода (с 1803 г.), член Государственного совета и главноуправляющий духовными делами иностранных вероисповеданий (с 1810 г.), основатель и с 1813 г. председатель российского Библейского общества, и юный Сергей Семенович Уваров, будущий министр народного просвещения и создатель доктрины «Православие, самодержавие, народность». Но также масонами были главный идейный противник Местра, реформатор Михаил

1 Jean-Marc Vivenza, *Entretiens spirituels et écrits métaphysiques* ; Michel Riquet, *Augustin de Barruel : un jésuite face aux jacobins francs-maçons, 1741-1820*, Paris, Beauchesne, 1989 (« Joseph de Maistre et Barruel », p. 113-120).

2 *Joseph de Maistre et Blacas: leur correspondance inédite et l'histoire de leur amitié, 1804-1820*, éd. Ernest Daudet, Paris, Plon-Nourrit, 1908, p. 35.

3 Robert Triomphe, *Joseph de Maistre. Étude sur la vie et la doctrine d'un matérialiste mystique*, Genève, Droz, 1968, p. 178.

Михайлович Сперанский, и его протее, профессор Игнатий Феслер, бывший капуцин, перешедший в лютеранство. В энциклопедическом словаре А.И. Серкова Жозеф де Местр не числится среди членов русских масонских лож.

В письме к королю Виктору-Эммануилу (СПб, декабрь 1809 г.) Жозеф де Местр пишет о возрождении масонства во Франции, которое, с его точки зрения, не может происходить иначе как с одобрения Наполеона и под контролем сверху¹. По всей видимости, граф был осведомлен о том, что Александр I в 1810 г. повелел «рассмотреть масонские дела особому секретному комитету», членом которого был Сперанский. Позднее, в 1822 г., когда масонство было запрещено в России, Сперанский напишет в объяснительной записке, что якобы вступил в орден по служебному заданию.

В послании к сардинскому дипломату кавалеру Росси (СПб, 20 августа / 1 сентября 1810 г.) Жозеф де Местр рассказывает о том, что масонство в России всех сводит с ума, что его пригласили на заседание ложи, но он отказался, зная, что в России масонов подозревают в революционных взглядах² (возможно, письмо было написано в расчете на перлюстрацию). И там же он показывает отменное знание того, о чем говорится на собрании в ложе. Уточним, что речь идет о петербургской ложе Соединенных друзей (*Amis réunis*), объединявшей в 1810-е годы около 500 членов, в том числе многих французов. Упомянутый в этом письме масон Александр Дмитриевич Балашов, генерал-губернатор Санкт-Петербурга, член Государственного Совета, министр полиции (с 1810 г.), был также членом другой русско-французской ложи «Палестина», в которой состоял брат Жозефа, писатель и военный Ксавье де Местр.

Далее, в том же письме граф де Местр сообщает, что именно шведские «братья» избрали маршала Жана-Батиста Бернадота королем Швеции, и ссылается на посла Швеции в Петербурге, своего доброго знакомого графа Курта фон Стединга (*Curt von Stedingk*). После того, как Стединг был отозван в Стокгольм, Местр написал ему: «Мой дорогой брат... Как было бы мне приятно, г-н маршал³, вновь быть принятым в вашей ложе! Но увы, по-видимому, я вас больше никогда не увижу» («*Qu'il me serait doux, M. le Maréchal, d'être reçu encore dans votre loge! mais hélas! il n'y pas d'apparence que je vous revoie jamais*», 16 декабря 1821 г.)⁴. Жан Реботон, опубликовавший это письмо, заключает, что Местр посещал в Петербурге ложу Стединга, и далее эти сведения переходят из одной работы в другую, но про эту ложу ничего не известно и словарь А.И. Серкова ее не упоминает.

После заключенного в 1807 г. в Тильзите мира между Александром I и Наполеоном положение Жозефа де Местра при русском дворе становится

1 *Œuvres complètes de Joseph de Maistre*, t. 11. *Correspondance*, t. III (1808-1810). Lyon, Librairie générale catholique et classique, 1885, p. 380

2 *Ibid.*, p. 471-473.

3 В 1811 г. Стединг был произведен в фельдмаршалы.

4 Jean Rebotton, *Études maistriennes, nouveaux aperçus sur la famille de Maistre et sur les rapports de Joseph de Maistre avec Monsieur de Stedingk*, Aoste, 1974, p. 217.

двусмысленным: посланник Сардинии, находящейся в этот момент в состоянии войны с Францией, должен был бы покинуть Россию. Однако русский император закрывает на это глаза и в 1810-1811 гг. влияние графа при русском дворе усиливается. Местр доказывает, что Россия должна изменить не только внешнюю политику (отказаться от союза с Наполеоном и от участия в континентальной блокаде Англии, разорительной для русской торговли), но и внутреннюю. Он осуждает деятельность Сперанского, который предлагал провести конституционную реформу, разработать свод законов по образцу Кодекса Наполеона, создать новую систему образования (первая ласточка – Царскосельский лицей), отменить крепостное право. Местр призывает вернуться к «традиционным» ценностям: усилить самодержавную власть, опору на дворянство, а не на развитие образованного третьего сословия, сохранить крепостничество. Как показала Е. Ларионова, одновременно схожие консервативные идеи развивает Н.М. Карамзин, чью «Записку о старой и новой России» в марте 1811 г. вручила императору его сестра, великая княгиня Екатерина Павловна¹.

Жозеф де Местр пишет в это время первые шесть бесед «Санкт-петербургских вечеров» (действие книги начинается в июле 1809 г.). Триумф Наполеона, ставшего властителем Европы, заставляет графа вновь задуматься о теодицее (все к лучшему в этом лучшем из миров), о неисповедимости путей господних. После Французской революции абстрактные категории сделались насущными, жизненно важными вопросами: каковы цели божественного провидения? Почему льется рекой кровь невинных? Как из Зла может возникнуть Добро? Как в этой ситуации должны поступать люди и, в первую очередь, государь?

Именно к Александру I, склонному к мистике, ищущему в ней свое историческое предназначение, обращается Жозеф де Местр. Он оправляет свои сочинения министрам, близким императору людям, а затем и ему самому. Он хочет быть советником, наставником государя². Мистические поучения тесно переплетаются с внутренней и внешней политикой. Три трактата Сен-Мартена вместе своим предисловием (рукопись, аналогичная той, которая хранится в Тбилиси) Местр послал Роксандре Стурдзе, пользовавшейся успехом в свете. Она была любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексеевны и к ней благоволил император Александр I:

J'ai l'honneur, Mademoiselle, de vous envoyer les *Trois discours* de M. de Saint-Martin. S'ils vous mettent sur la voie des miracles, j'ose me flatter que le premier sera pour moi, puisque c'est moi qui vous aurai invitée. Je me réserve, *le cas échéant*, de vous

1 Catherine Larionova, « *Mémoire sur la Russie ancienne et moderne* de Nicolas Karamzine et les *Quatre chapitres sur la Russie* de Joseph de Maistre », *Romantisme*, 1996, n°92 (Romantisme vu de Russie), p. 37-41.

2 Jean-Louis Darcel, « Joseph de Maistre, nouveau Mentor du prince : le dévoilement des mystères de la science politique », *Joseph de Maistre*, éd. Philippe Barthelet, Lausanne; [Paris], l'Âge d'homme, 2005, p. 400-406.

expliquer la merveille que j'attends de vous, ceci exigeant réflexion, témoin de Conte des Boudins qui se trouve dans le magasin des enfants pour l'inspiration des hommes.

Quant aux notes elles manquent manquer encore longtemps – peut-être toujours. J'entreprends une infinité des choses ; l'achèvement dépend ensuite de Sa Majesté le Hasard (comme disait Frédéric II) ou de ce qu'on appelle ainsi. [...]¹

Честь имею препроводить вам, М-лле, Три речи г. де Сен-Мартена. Ежели они направят вас на путь чудес, то смею льстить себя надеждой, что первое же из них будет совершенно для меня, поскольку именно я приобщил вас к ним. Оставляю за собой право, в случае надобности, объяснить вам, какой именно диковины я жду от вас, – а это требует размышления, как свидетельствует сказка о колбасе, наличествующая в детском сборнике для назидания взрослых².

Что касается примечаний, то их нет и не будет еще долго, может быть, никогда. Я затеял бесконечное количество вещей, но завершение их зависит от его величества Случая (как говаривал Фридрих II), или от того, что так именуется³.

На записке, как принято, указано только число «14.26»; можно предположить, исходя из даты рукописи, хранящейся в Тбилиси, что это 14 / 26 февраля 1810 г. Послание написано в обычной для Местра шуточной манере, но он явно рассчитывает, что фрейлина не утаит «благую весть» от Их Императорских Величеств. Как показано в превосходной статье А. Марковича, в 1810 г. Местр посылает так же Роксандре Стурзе два тома сочинений епископа Жана-Батиста Массильона, переизданных во Франции в этом году, и свои собственные «Суждения о Франции», не раскрывая свое авторство : «Он [Местр] пользуется случаем, чтобы присоединить к этому книжку, написанную свыше десяти лет назад, о событиях во Франции. Просьба прочесть ее у себя в комнате и отнюдь не пускать по рукам, так как книжка эта весьма плохая. [...] Суббота, 25-го»⁴. Если предположить, что Местр указывает число по григорианскому календарю, то «суббота 25» соответствует 25 августа 1810 г., а если по юлианскому, что более вероятно, то 25 июня 1810 г. Итак, как пишет А. Маркович, «три капитальных сочинения, посвященные религии, мистике и политике, были вложены Местром в руки Роксандры. Проповеди Массильона – апология католичества; речи Сен-Мартена – апология иллюминантства; наконец, книжка о Франции – памфлет против революции»⁵.

Свою книгу Местр просит никому не давать. А. Маркович резонно замечает: «В «Санкт-петербургских вечерах» его двойник, Граф, приводит обширную выдержку из этих “*Considérations sur la France*”, которые он называет произведением анонимного автора», а уже после победы над Наполеоном в «письме 1814 г. к графу

1 Российская Национальная Библиотека, отдел рукописей. Я сердечно благодарю Марину Пантину, любезно приславшую мне французский текст письма и фотографии оригинала.

2 Речь идет о обработке сказки Шарля Перро, переделанной в XVIII в. Жанной-Мари Лепренс де Бомон для детского чтения (*Magasin des enfants «Журнал для детей», 1756*).

3 А. Маркович, «Жозеф де Местр и Сент-Бёв в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг», С. 379-456.

4 Там же. С. 396. В отличие от писем, записки писались от третьего лица.

5 Там же. С. 396.

[Яну] Потоцкому Местр пишет с горделивым удовлетворением: «Я очень хотел бы, чтобы вы прочли сейчас мои “Размышления Франции”, где, по счастливой нелепице, все оказалось пророческим, вплоть до названия двух городов, которые первыми признали короля, – Лион и Бордо»¹.

Отметим, что в предисловии и в своем дневнике Местр уверяет, что автор трех речей ему неизвестен, тогда как в письме к Р. Стурдзе он называет его – Сен-Мартен. Более того, в предисловии он возносит хвалу «неведомому философу» и пишет о посмертном издании его сочинений (*Euvres posthumes de M. de Saint-Martin*, Tours, Letourmy, 1807), ссылаясь на рецензию в журнале «*Mercur de France*» от 18 марта 1809 г. Добавим, что авторрецензии, подписанной инициалами R.T. (как указывает редакция – «один известный писатель»), прославляет Сен-Мартена, но довольно критически относится к изданию и не раскрывает содержание книг. А во втором томе опубликованы все три искомые речи. Возможно, Местр получил эту книгу позднее. В дополнении к предисловию, сохранившемуся в архиве, граф пишет: «N.V. Последаты этой заметки, я обнаружил три речи, напечатанные в посмертных произведениях Сен-Мартена. СПб, 1812» («N.V. Depuis la date de cette note, j'ai trouvé ces trois discours imprimés parmi les œuvres posthumes de Saint-Martin. Saint-Pétersbourg 1812»)².

Вернемся к письму Местра к Р. Стурдзе: «Что касается примечаний, то их нет и не будет еще долго, может быть, никогда. Я затеял бесконечное количество вещей, но завершение их зависит от его величества Случая...». В «тбилисской» рукописи мы видим лишь несколько текстологических примечаний, принадлежащих Жозефу де Местру, который отмечает явные пробелы и неточности в имевшейся у него копии (листы 6, 245-246); отметим, что в издании 1807 г. эти неточности остались незамеченными. Однако Местр использовал свое предисловие для других сочинений, которые он без устали писал в эти годы.

Согласно Филиппу Бартеле, в 1809 г. рукописные копии «Опыта о основополагающем принципе политических установлений и прочих людских учреждений» (*Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines*), направленного против конституционных реформ (май 1809 г.), а также копии первых «Санкт-петербургских вечеров» (лето 1809 г.) циркулируют в окружении императора Александра I (но автор не указывает ни конкретных лиц, ни архивные фонды)³. В конце 1809 г., Местр пишет «Письмо к даме протестантке» (9 / 21 декабря 1809 г.), а в начале 1810 г. «Письмо к русской даме о природе и последствиях раскола церквей и о католическом единстве» (8 / 20 февраля 1810 г.), обращенные к графине Анне Ивановне Толстой («Lettre à une dame russe sur la nature et les effets dus chisme et sur l'unité catholique»). Отметим: практически одновременно

1 Там же. С. 396.

2 Clément de Paillette, *La politique de Joseph de Maistre d'après ses premiers écrits, mémoire contenant plusieurs lettres et fragments inédits*, [Paris], A. Picard, 1895, p. 58.

3 *Joseph de Maistre*, éd. Philippe Barthelet, Lausanne ; [Paris], l'Âge d'homme, 2005, p. 857.

с предисловием к сочинениям Сен-Мартена. «Письма» старательно переписывали русские дамы, перешедшие в католичество¹.

В июне-июле 1810 г. Местр посылает «Пять писем о народном образовании в России к графу Разумовскому, министру народного просвещения». В них он отстаивает педагогические принципы иезуитов и критикует педагогические проекты Сперанского. В четвертом письме (26 июня 1810 г.) Местр нападает на «секту» немецких иллюминатов-протестантов, чье учение распространяется в России и подрывает государственные основы, и от которого могут спасти только иезуиты – «цепной пес, коего никак нельзя прогонять» (*Cette société est le chien de garde qu'il faut bien vous garder de congédier*)². Копии этих писем А. Шебунин обнаружил в архивах братьев Тургеневых и Р. Стурдзы в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН)³.

В 1811 г. Сперанского отставляют от дел, отчасти под влиянием сочинений Местра и Карамзина, ставших глашатаями взглядов консервативно настроенной части русского дворянства, отчасти из-за изменения внешней политики и разрыва с Наполеоном. Местр пишет для Александра I «Записку о свободе народного образования» (*Mémoire sur la liberté de l'enseignement public*), подписанную Philalexandre, «Александролуб»). 6 / 18 октября 1811 г. его посещает князь Александр Голицын и после долгой беседы Местр вручает ему свое сочинение⁴. Затем оноправляет графу Разумовскому для императора «Четыре главы о России» (*Quatre chapitres inédits sur la Russie*, СПб, 16 / 28 декабря 1811 г.). Жозеф де Местр развивает идеи, изложенные в письмах к Разумовскому 1810 г., активно защищает деятельность иезуитов в империи и, в частности, в Полоцке, а в четвертой главе защищает французскую мистику в противовес немецкой протестантской, и там мы находим фразы и целые абзацы из предисловия к трем трактатам Сен-Мартена.

Как мы видим, Жозеф де Местр, отстаивая в России интересы иезуитов, использует для усиления своего влияния мистические сочинения их противников мартинистов. Он разоблачает иллюминатов, скрывает имя Сен-Мартена и распространяет его труды. Он демонстративно не посещает масонские ложи, но прибегает к помощи «вольных каменщиков».

Жозеф де Местр осуществляет в России программу, изложенную для конвента масонов 1782 г.: просвещение государя, политическое и духовное; объединение католической и православной церкви (с помощью иезуитов), мистические «откровения», позволяющие понять роль Наполеона как орудия Провидения и

1 «По словам иезуита Гагарина, каждая из «обращенных» переписывала собственноручно и хранила потом у себя рукопись, состоявшую из копии двух упомянутых «писем» Местра к гр. А. И. Толстой и двух писем Розавена», Степанов М. [Шебунин А. Н.], «Жозеф де Местр в России», С. 608.

2 «Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie, à M. le comte Razoumowsky, ministre de l'Instruction publique», Joseph de Maistre, *Lettres et opuscules inédits*, 2e éd., t.2. Paris, Vaton, 1853, p. 324.

3 Степанов М. [Шебунин А. Н.]. «Жозеф де Местр в России», С. 611-612, 623, 625.

4 *Les Carnets du comte Joseph de Maistre*, p. 193.

победить его. Завзятые враги, масоны и иезуиты, оказываются союзниками, для достижения одной цели.

В 1812 г. Александр I приближает к себе Жозефа де Местра, но тот отказывается перейти на русскую службу. В дальнейшем война с Наполеоном отодвигает графа на второй план, а после изгнания иезуитов из России в 1815 г. из-за их активного прозелитизма и увеличившегося числа обращений в католичество, Местру приходится покинуть свой дипломатический пост и в 1817 г. вернуться на родину. В 1821 г. Местр перерабатывает «Санкт-петербургские вечера» и пишет 11-ю беседу о Сен-Мартене и мистическом учении («практические занятия для иллюминатов», как он сам оценивает ее), куда практически целиком включает свое предисловие 1810 г.

Как мы видим, это произведение сыграло важную роль и в политической и в литературной деятельности Жозефа де Местра, философа и богослова от политики.

Судьба рукописи

Какова история рукописи? Вероятно, какой-нибудь аристократ из окружения Местра заказал копию, которая затем поменяла владельца. На рукописи мы видим три почерка, но ни один не принадлежит Жозефу де Местру. №1: копиист, возможно петербургский, профессиональный переписчик или, что не исключено, секретарь владельца рукописи. №1 пишет на русский манер «Лагарп» (La Garpe вместо La Nagre), а потом исправляет G на H (возможно он перепутал наставника юного Александра швейцарца Цезаря Лагарпа и французского писателя Жана-Франсуа де Лагарпа, о котором шла речь в предисловии), не понимает слово Cohen, написанное на иврите (Коген – высокая мистическая масонская ступень), французскую манеру обозначать месяца (л. X^{brc} = декабрь¹), пропускает слова и фразы в предисловии и в рукописи Сен-Мартена (л. 111, 174, 339). Их вписывает чернилами другой человек (почерк №2), прекрасно знающий французский, или француз, который позволяет себе сделать не только орфографическую (л. 31, 246), но и маленькую стилистическую правку в примечание Местра (л. 6). Этот почерк отличается от почерков Жозефа де Местра и его брата Ксавье (если сравнивать с их письмами), но мужской и того же времени. Можно заключить, что это почерк первого владельца, который оплатил копию с рукописи, которую Местр доработал после письма к Р. Стурдзе (автор внес короткие примечания). Видимо, №2 заказал дорогой переплет (если судить по мраморной бумаге на форзаце, вероятно, в 1810е гг.) и поставил рукопись как книгу в свою библиотеку. Возможно, что копия и переплет были изготовлены в Петербурге, а не в Грузии.

Но есть и следующий владелец (почерк №3), который получил или купил книгу-рукопись. Он безусловно знал, кто авторы этих произведений, прекрасно владел французским и ведал толк в мистической литературе. Он внимательно

¹ В предисловии нет пагинации.

прочел и предисловие и сами трактаты, сделал небольшую и бережную правку карандашом (орфография слов, л. 6, 11 ; пропуск слов, л. 11, 198), а, самое главное, пометил на полях предисловия « dans son ouvrage » («в его произведении») там, где текст совпадает с 11-ой беседой из «Санкт-петербургских вечеров». Т.е. рукопись попала к этому владельцу после 1821 г., а, скорее, еще позднее.

Остается самый сложный вопрос: каким путем рукопись могла попасть в Грузию? Ответа мы не знаем и можем только строить гипотезы. В принципе дать скопировать рукопись другому человеку мог кто-то из тех, кто получил ее в Петербурге от Местра, например брат Роксандры, Александр Стурдза, или граф Иоанн Каподистрия, поклонник Роксандры, или еще кто-нибудь. Если число посредников множится, то установить владельцев рукописи чрезвычайно сложно.

Очертим круг людей, которые были связаны с братьями де Местр и с Грузией.

В «Санкт-петербургских вечерах» беседуют три дипломата: граф (Жозеф де Местр), пожилой сенатор мартинист (**Василий Степанович Томара**) и юный шевалье (шевалье де Бре, француз на немецкой дипломатической службе, посланник Баварии в России), которого просвещают два собеседника. Вполне вероятно, что Жозеф де Местр дал копию трактатов Сен-Мартена своему собеседнику, а от того она могла попасть к одному из его грузинских знакомых. **В.С.Томара** (1740-1813) состоял на дипломатической службе с 1759 г., был переводчиком на Кавказе, вел переговоры о заключении Георгиевского трактата между Россией и Грузией (1783 г.), ездил в Персию, был посланником в Константинополе (1799-1809). В молодые годы (1754-1759 гг.) его наставником был украинский философ Григорий Сковорода (1722-1794)¹, с которым был близко знаком поэт князь **Давид** Гурамишвили (1705-1792), который обосновался в своих малороссийских владениях в 1759 г., но можно лишь предположить знакомство Гурамишвили с семьей Томара. В любом случае, **Давид** Гурамишвили скончался задолго до приезда Местра в Россию.

Другая гипотеза: в июле 1810 г. на войну на Кавказ, где он пробудет до 1812 г., в чине полковника уезжает брат Жозефа, Ксавье де Местр², масон, писатель, военный. По просьбе брата, Ксавье де Местр в письме из Тифлиса от 4 февраля 1811 г. рассказывает о деятельности иезуитских миссионеров в Осетии. Он особо отмечает бельгийца отца Анри. Ксавье утверждает, что по мнению генерала Ивана Дельпоццо (1739-1821), итальянца на русской службе, много лет проведенного на Кавказе (его история легла в основы повести Ксавье де Местра «Кавказские пленники»), иезуиты могут сделать больше для покорения края, чем десять тысяч солдат³. Ксавье де Местр мог взять с собой в Тифлис рукопись брата и разрешить снять с нее копию, но опять-таки доказательств нет.

1 О возможном отражении идей Г. Сковороды в «Санкт-петербургских вечерах» см.: Олег Марченко, «Григорий Сковорода и Жозеф де Местр (об одном забытом сюжете)» // *Slavica Litteraria* (SPFFBU, X) ročník 11, číslo 1, 2008 С. 11-25.

2 *Les carnets du comte Joseph de Maistre*, p. 193.

3 *Une lettre inédite de Xavier de Maistre par le P. J. Gagarin de la Compagnie de Jésus* [Extrait des *Études religieuses*], Lyon, Pitrat, 1880, 11 p.

Вероятный владелец: Михаил Баратаев (Бараташвили)

Третья гипотеза: владельцем рукописи мог быть князь Михаил Петрович Баратаев (Бараташвили, 1784–1856), военный, коллекционер, историк, основоположник грузинской нумизматики. Стал «вольным каменщиком» около 1806 г., его масонским наставником был генерал-майор Е.И. Чаплиц, состоявший врусско-французской петербургской ложе «Соединенных друзей», о работе которой, как мы помним, был прекрасно осведомлен Жозеф де Местр¹. С 1817 г. ложа состояла в союзе Великой ложи Астреи (основан в 1815 г. и закрыт в 1822 г. по императорскому указу «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ»). Сам князь Баратаев (Бараташвили) вступил в эту ложу около 1816 г. В августе 1817 г. в Москве князь открыл в Москве масонскую ложу «Александр к тройственному Спасению» (союз Великой Астреи), а в марте 1818 г. в Симбирске (по другим данным – в конце 1817 г.), где был предводителем дворянства, – ложу «Ключ к добродетели» (*La clef de la vertu*; союз Великой Астреи) и был в ней мастером стула до 1821 г. Храм ложи был построен в его усадьбе. Ложа была связана с декабристской организацией Орден русских рыцарей². После восстания декабристов князь был арестован, но освобожден через три месяца с оправдательным аттестатом.

Князь Михаил Баратаев (Бараташвили), прекрасно образованный, писавший стихи на русском и французском, пользовался большим уважением как среди «вольных каменщиков», так и среди «профанов». Он был знаком с братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми (как мы помним, у них были рукописи Жозефа де Местра).

В 1839-1843 г. Михаил Бараташвили был управляющим таможенным округом в Грузии, жил в Тифлисе, в Сололаки. Увлёкся нумизматикой, собрал редчайшую коллекцию монет, написал книгу «Нумизматические факты Грузинского царства» (1844). В Тифлисе он дружил с семьёй Мелитона Бараташвили. Особенно любил сына Михаил Бараташвили, не зная о смерти поэта, писал Мелитону 20 сентября 1846 г.: «Был-бы рад, если бы наш общий любимец Николоз Мелитонович Бараташвили, пополнил бы своими знаниями и умом первый труд своего старого деда»³. Естественно, в старом деде подразумевается сам Микхеил Бараташвили, а в первом труде – его нумизматика.

Николоз Бараташвили посвятил Михаилу Бараташвили стихотворение «Могила царя Ираклия» и перед отъездом из Грузии в 1842 г. написал ему в альбоме стихотворение «Азарфеша (кубок) князя Баратаева» («Наполнишь вином, полною радостью, выпьешь – прими с Богом»). Еще до приезда Михаила Бараташвили в Грузию Николоз создал стихотворение «Астра», о тайном, мистическом смысле

1 В ложе «Соединенные друзья» в 1816 г. состояли, в частности, Грибоедов, Чаадаев, Пестель.

2 Т.О Соколовская, Д.Д. Лотарева, Тайные архивы русских масонов. М., Вече, 2007.

3 Николоз Бараташвили, Стихи, Судьба Картли, письма, ред. С. Фирцхалава, Тфилиси, государственная стамба, 1922, ст. 154-155.

которого он писал своим друзьям. Гага Ломидзе видит в нем масонскую символику¹; если это так, то речь может идти о Великой ложе Астреи.

Уважением и любовью пользовался Михаил Бараташвили и в семье князя Александра Чавчавадзе, с которым он состоял в родстве. В 1819-1820 гг. В 1832 г. Чавчавадзе участвовал в заговоре, направленном на достижение независимости Грузии и проведение реформ, был сослан и вернулся в 1834 г. Двое руководителей движения, Соломон Додашвили и Филадельфос Кикнадзе, сочувствовали идеям масонов и использовали их опыт при организации заговора.

В альбоме Михаила Бараташвили сохранились стихи Александра Чавчавадзе, записи его дочери Нино Чавчавадзе (М. Бараташвили посвятил ей два стихотворения, воспев ее красоту) и мужа Нино, Александр Грибоедов. Но Грибоедовым, который погиб в 1829 г., М. Бараташвили встречался не в Грузии, а в Петербурге в 1816 г., где они состояли в одной ложе. Десять лет спустя оба были арестованы по подозрению об причастности к декабристам, но были оправданы.

Однако, когда Михаил Бараташвили покинул Грузию и вернулся в свое имение в Симбирск, он забрал с собой свою коллекцию. Может быть, он оставил или подарил рукопись своим грузинским родственникам и друзьям.

В этом случае, возможно поразмышлять, кого она могла заинтересовать. Видимо, хозяев и гостей салона Александра и Нино Чавчавадзе (она скончалась в 1857 г.), а также салона Мананы Орбелиани (1808-1870), которая тоже была связана с участниками заговора 1832 г. Среди завсегдатаев ее салона отметим князя Михаила Семеновича Воронцова, генерал-фельдмаршала, наместника Кавказа с 1844 г. до 1854 г., прекрасно образованного, и, разумеется, как всем свободно владевшего французским языком. Сам Воронцов масоном не был, но многие из его окружения состояли в ордене.

Трудно сказать, кто был последующим владельцем рукописи (почерк №3). Судя по профессионализму помет, он мог быть как мистиком, так и историком. В последнем случае, он мог быть членом Грузинского Историко-этнографического общества.

Как бы то ни было, хранящаяся в Тбилиси рукопись, объединяющая предисловие Жозефа де Местра и сочинения Сен-Мартена, позволяет лучше познать генезис произведений Местра, использование масонских текстов в политической борьбе при петербургском дворе в царствование Александра I, а также распространение мистических идей в России и Грузии.

1 Lomidze, Gaga. *What did Baratashvili enjoy reading ? // Contemporary Issues of Literary Criticism. XI: Romanticism in Literature On the Cross-road of Epochs and Culture.* Tbilissi, TSU Press, 2017. Part. II. P. 288.

Alexander Stroev

(France)

Nino Gagoshashvili, Tatia Oboladze

(Georgia)

The Fate of Joseph de Maistre's Unknown Manuscript

Key words: Unknown manuscript, history of masonism, textual research.

This paper gives an analysis of an anonymous French-language manuscript kept at the Tbilisi National Center of Manuscripts which is indicated in the inventory list under the title “Three Masonic Treatises”. The manuscript appears to have been brought here from the State Museum since the establishment of the institution in 1958. Its early history is unknown. The treatise is prefaced with a “Note on three words below” which belongs to another author and dates: “St. Petersburg, February 9/21, 1810”. None of the authors’ names is indicated but it is not difficult to establish them. The treatises - “The Ways of Wisdom”, “Laws of Divine Justice”, “Treatise on Blessing” belong to Louis Claude de Saint-Martin (1743-1803), the thought leader and mentor of a European and Russian masons and the introduction is written by the diplomat and philosopher Joseph de Maistre (1753-1821), who was sent to Russia as an ambassador (1803-1817) by the king of Sardinia. The treatises were created in the 1870s and disseminated through the records of the Masonic circles. They were first published by Saint-Martin’s sister’s daughter Tournier in 1807, the introductory word was preserved by the descendants of de Maistre and published in 1895, but did not deserve due attention of the researchers.

In order to understand the significance of the manuscript, the authors of the paper try to make out its origin, the range of intended addressees and the aim of dissemination; conduct textological analysis, which helps to define the place of this manuscript in Joseph de Maistre’s creative works.

The second part of the paper considers the question as to who could have been the supposed owner or owners of this manuscript and how it appeared in Georgia.

Several hypotheses have been expressed. Namely:

1. Three diplomats are talking in one of the texts of Joseph de Maistre’s “The Evenings of St. Petersburg”: the count (apparently the author himself), an elderly Martinist senator (Vasilii Stepanovich Tomara) and young chevalier (Chevalier de Brie, a Frenchman being in German diplomatic service, sent to Russia from Bavaria). V. S. Tomara had been in the diplomatic service since 1759, he was a translator in the Caucasus, conducting negotiations between Russia and Georgia to conclude the Treaty of Georgievsk (1783), traveled to Persia; was Russia’s envoy to Constantinople in 1799-1909. In his youth (1754-1759) his mentor was Ukrainian philosopher Grigory Skovoroda (1722-1794), who was closely acquainted with Georgian poet, Prince Davit Guramishvili (1705-1792) when residing in his Ukrainian estate in 1759. Presumably, Joseph de Maistre gave a copy of

Saint-Martin's treatises to V. S. Tomara which fell into the hands of one of his acquaintances, a Georgian-related person.

2. In July 1810, Maistre's younger brother Xavier de Maistre, a freemason writer and military officer in the rank of colonel, set off to the Caucasian War. In a letter sent from Tiflis on 4 February 1811, Xavier de Maistre at the request of his brother writes about Jesuit missionaries in Ossetia, especially highlights the activities of Belgian Jesuit priest Father Anri. He claims that according to the Italian general being in the Russian service, Ivan Del Pozzo (1739-1821) who spent many years of service in the Caucasus, the Jesuits can do more in conquering the region than hundreds of soldiers do. Xavier de Maistre could have taken his brother's manuscript in Tbilisi and let him make a copy of it, but there is no document to prove it. However, in principle, the transfer of the manuscript to someone in order to make a copy could be done only by a person who got it from the hands of Maistre himself in St. Petersburg, for example, de Maistre's close acquaintance, Maid of Honor of Empress Elizabeth, Roksandra's brother, Aleksandr Strude or Count Ioane Kapodistria, Roksandra's admirer ... If the number of intermediaries increases, it will become more and more difficult to establish the owner of the manuscript.

3. The owner of the manuscript may have been Mikhail Petrovich Barataev (Baratashvili, 1784-1856), a military man, historian, collector, founder of Georgian numismatics. M. Barataev became "free stonemason" approximately in 1806, and his mentor in masonry was a member of the Russian-French lodge "United Friends" in St. Petersburg, Major-General E. I. Chaplitz whose work was well familiar to Joseph de Maistre. Since 1817, the lodge had an alliance with the Grand Lodge "Astrea". Barataev joined this Lodge approximately in 1816. In August 1817, he founded the Masonic lodge in Moscow "Alexander three time for salvation" (in alliance with "Astrea"), and in March of 1818 - in Simbirsk (according to other sources, at the end of 1817), where he was a head of the nobility, also by order of the "Astrea" founded the lodge "Key to Virtues" (*La clef de la Vertu*) and until 1821 he himself was its "great father" or, as the freemasons call "Master of the Chair." The temple of the lodge was built in the estate of the prince. It was linked with the Decembrist organization "The Order of the Russian Knights".

Mikhail Barataev received an excellent education, wrote poems in Russian and French, enjoyed great respect both among the "free masons" and "professors". He was familiar with the brothers A. I. and N. I. Turgenev (they had Joseph de Maistre's manuscripts).

In the years 1831-1843, Mikhail Baratashvili was appointed a director of the customs department in Georgia, settled in Tiflis at the Sololaki district, and was very fond of numismatics. In Tiflis, he made friends with the family of Meliton Baratashvili but especially loved Meliton's son, the poet Nikoloz Baratashvili. Shortly before Mikhail Baratashvili's arrival to Tbilisi, Nikoloz Baratashvili wrote a verse "Astra" about the hidden, mystical content of which he wrote to his friends. According to scholars, the conversation should have concerned the Grand Lodge "Astrea".

Mikheil Tumanishvili was loved and esteemed by the family of Alexander Chavchavadze himself. Chavchavadze participated in a conspiracy for the reestablishment of Georgia's independence and conduction of the reforms in the country due to which he was exiled and could return to his homeland only in 1834. Two leaders of this movement, Solomon Dodashvili and Philadelphos Kiknadze, sympathized with the ideas of the Freemasons and used their experience in organizing the conspiracy.

When Mikhail Baratashvili left Georgia and came back to his estate in Simbirsk, he took his collection with him, but it is possible that manuscript could be left or presented to his Georgian relatives or friends.

The guests and hosts of the salons of Alexander and Nino Chavchavadze as well as that of Manana Orbeliani's could have been interested in the manuscript. Manana, like the Chavchavadze family was linked with the conspiracy of 1832. Among the permanent guests of Manana Orbeliani's salon it should be noted a prince Mikhail Simyonovich Vorontsov, field-marshal, the Viceroy to the Tsar in the Caucasus (1844-1854) who had an excellent education and was fluent in French. Vorontsov himself was not a freemason, but many of his friends were the members of this Order.

The manuscript kept in Tbilisi, which combines the introduction of Joseph de Maistre and the works of St. Martin, gives us the opportunity to better understand the genesis of Maistre's works, the use of Masonic texts in political struggle at the court of St. Petersburg in the reign of Alexander I and the dissemination of mystical ideas in Russia and Georgia.

ალექსანდრ სტროევი¹

(საფრანგეთი)

ნინო გაგომაშვილი, თათია ობოლადე

(საქართველო)

უზოფ დე მესტრის უცნობი ხელნაწერის ბედი

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: უცნობი ხელნაწერი, მასონიზმის ისტორია, ტექსტოლოგიური კვლევა.

სტატიაში გაანალიზებულია თბილისის ხელნაწერთა ეროვნულ ცენტრში დაცული ფრანგულენოვანი ანონიმური ხელნაწერი, რომელიც ჩანაწერში „სამი მასონური ტრაქტატის“ სახელწოდებითაა მითითებული. აქ ის დანესებულების დაარსებისთანავე, 1958 წელს, სახელმწიფო მუზეუმიდან მოხვედ-

¹ ნაშრომი შესრულებულია შოთა რუსთაველის ეროვნული სამეცნიერო ფონდის მიერ დაფინანსებული საგრანტო პროექტის: „ფრანგები საქართველოში და ფრანგული ლიტერატურული რეფლექსია მე-17 – მე-20 საუკუნის დასაწყისის ქართულ კულტურულ სივრცეში“ – ხელშეკრულება № 217722-ის ფარგლებში.

რილა. ხელნაწერის ადრინდელი ისტორია უცნობია. ტრაქტატს წამძღვარებული აქვს „შენიშვნა ქვემოთ სამ სიტყვაზე“, რომელიც სხვა ავტორს ეკუთვნის და დათარიღებულიც არის: „სანქტ-პეტერბურგი, 9/21 თებერვალი 1810“. არცერთი ავტორის სახელი მითითებული არაა, მაგრამ მათი დადგენა ძნელი არ არის. ტრაქტატები – „სიბრძნის გზები“, „ზეციური მართლმსაჯულების მინიერი კანონები“, „ტრაქტატი კურთხევის შესახებ“ ეკუთვნის ლუი კლოდ დე სენ-მარტენს (1743-1803), ევროპელ და რუს მასონთა გონების მბრძანებელს, შესავალი კი – დიპლომატსა და ფილოსოფოსს ჟოზეფ დე მესტრს (1753-1821), რომელიც 1803-1817 წლებში სარდინიის სამეფოს წარგზავნილი იყო რუსეთში. ტრაქტატები 1870-იან წლებში შეიქმნა და მასონურ წრეებში ჩანაწერების საშუალებით გავრცელდა. პირველად ისინი 1807 წელს გამოაქვეყნა სენ-მარტენის დისწულმა ტურნიემ, შესავალი სიტყვა შემორჩენილია დე მესტრის შთამომავლებთან. დაიბეჭდა 1895 წელს, თუმცა, მკვლევართა ყურადღება ვერ დაიმსახურა.

ხელნაწერის დანიშნულების გასაგებად, სტატიის ავტორები არკვევენ მის წარმომავლობას, სავარაუდო ადრესატების წრეს და გავრცელების მიზანს; ანალიზებენ ტექსტოლოგიურად, რაც ეხმარება განსაზღვრონ ხელნაწერის ადგილი ჟოზეფ დე მესტრის შემოქმედებაში.

სტატიის მეორე ნაწილში კი განიხილავენ საკითხს, ვინ შეიძლება იყო ფილიყო მისი სავარაუდო მფლობელი ან მფლობელები და როგორ მოხვდა ეს ხელნაწერი საქართველოში?

გამოთქმულია რამდენიმე ჰიპოთეზა. კერძოდ:

1. ჯოზეფ დე მესტრის ერთ-ერთ ტექსტში – „სანქტ-პეტერბურგის საღამოები“ სამი დიპლომატი საუბრობს: გრაფი (თავად ავტორი), ასაკოვანი მარტინისტი სენატორი (ვასილი სტეფანეს ძე ტომარა) და ახალგაზრდა შევალე (შევალე დე ბრე, გერმანულ დიპლომატიურ სამსახურში მყოფი ფრანგი, ბავარიის წარგზავნილი რუსეთში). ვ. ს. ტომარა (1740-1813) დიპლომატიურ სამსახურში იმყოფებოდა 1759 წლიდან, იყო მთარგმნელად კავკასიაში, აწარმოებდა მოლაპარაკებებს რუსეთსა და საქართველოს შორის გეორგიევსკის ტრაქტატის დასადავებად (1783), იმოგზაურა სპარსეთში, 1799-1909 რუსეთის წარგზავნილი იყო კონსტანტინოპოლში. ახალგაზრდობაში (1754-1759 წ. წ.) მისი მასწავლებელი იყო უკრაინელი ფილოსოფოსი გრიგორი სკავაროდა (1722-1794), რომელსაც ახლოს იცნობდა ქართველი პოეტი, თავადი დავით გურამიშვილი (1705-1792), რომელიც თავის მალღორსიულ მამულში 1759 წელს დაფუძნდა. დასაშვებია ვარაუდი, რომ ჟოზეფ დე მესტრმა სენ-მარტენის ტრაქტატების ასლი ვ. ს. ტომარას მისცა, ხოლო მისგან რომელიმე მისი ნაცნობის, საქართველოსთან დაკავშირებული პირის ხელში მოხვდა.

2. 1810 წლის ივლისში, კავკასიის ომში პოლკოვნიკის ჩინით გაემგზავრა ჟოზეფ დე მესტრის ძმა, ქსავიე დე მესტრი, მასონი, მწერალი და სამხედრო. ძმის თხოვნით, ქსავიე დე მესტრი, 1811 წლის 4 თებერვალს ტფილისიდან გამოგზავნილ წერილში საუბრობს ოსეთში იეზუიტი მისიონერების საქმიანო-

ბაზე, განსაკუთრებით გამოჰყოფს ბელგიელ მამა ანრის. ის ამტკიცებს, რომ რუსეთის სამსახურში მყოფი იტალიელი გენერლის, კავკასიაში მრავალწლიანი სამსახურობის მქონე ივანე დელპოცოს (1739-1821) აზრით, იეზუიტებს მეტის გაკეთება შეუძლიათ მხარის დამორჩილების საქმეში, ვიდრე ამას ათასობით ჯარისკაცი ახერხებს. ქსავიე დე მესტრს შეეძლო თბილისში წაელო ძმის ხელნაწერი და ნება დაერთო მისი ასლი გადაეღოთ, თუმცა ამის დამამტკიცებელი საბუთი არ არსებობს. მაგრამ, პრინციპში, ასლის გადასაღებად ხელნაწერის სხვისთვის გადაცემა მხოლოდ იმ ადამიანს შეეძლო, ვინც ის პეტერბურგში თავად მესტრის ხელიდან მიიღო, მაგალითად, დე მესტრის ახლო ნაცნობის, იმპერატრიცა ელიზავეტას ფრეილინას, როქსანდრას ძმას, ალექსანდრ სტრუძეს ან გრაფ იოანე კაპოდისტრიას, როქსანდრას თაყვანისმცემელს... თუ შუამავალთა რიცხვი გაიზრდება, ხელნაწერის მფლობელთა ვინაობის დადგენა სულ უფრო ძნელდება.

3. ხელნაწერის მფლობელი შეიძლება ყოფილიყო მიხეილ პეტრეს ძე ბარათაევი (ბარათაშვილი, 1784-1856), სამხედრო პირი, ისტორიკოსი, კოლექციონერი, ქართული ნუმიზმატიკის ფუძემდებელი. მ. ბარათაევი „თავისუფალი ქვისმთელი“ გახდა დაახლოებით 1806 წელს, მასონიზმში მისი მოძღვარი იყო „შეერთებული მეგობრების“ რუსულ-ფრანგული პეტერბურგული ლოჟის წევრი, გენერალ-მაიორი ე. ი. ჩაპლიცი, რომლის ნაშრომის შესახებ შესანიშნავად იყო ინფორმირებული ჟოზეფ დე მესტრი. 1817 წლიდან ლოჟას კავშირი ჰქონდა „ასტრეას“ დიდ ლოჟასთან. ბარათაევი ამ ლოჟაში დაახლოებით 1816 წელს შევიდა. 1817 წლის აგვისტოში მან მოსკოვში გახსნა მასონური ლოჟა „ალექსანდრე სამჯერ ხსნისთვის“ („ასტრეასთან“ კავშირში), 1818 წლის მარტში კი სიმბირსკში (სხვა მონაცემებით, 1817 წლის ბოლოს), სადაც ის თავადაზნაურთა წინამძღოლი იყო, ასევე „ასტრეას“ დავალებით დააარსა ლოჟა – „სათნობის გასაღები“ (La clef de la vertu) და 1821 წლამდე თავადვე გახლდათ მისი „დიდი მამამთავარი“ ან, როგორც მასონები უწოდებენ – „სკამის ოსტატი“. ლოჟის ტაძარი თავადის მამულში აშენდა. იგი (ლოჟა) დაკავშირებული იყო დეკაბრისტულ ორგანიზაციასთან – „რუს რაინდთა ორდენი“.

ჩინებული განათლების მქონე მიხეილ ბარათაევი, რომელიც ლექსებსაც წერდა რუსულ და ფრანგულ ენებზე, დიდი პატივისცემით სარგებლობდა როგორც „თავისუფალ ქვის მთელთა“, ისე „პროფანთა“ შორის. ის იცნობდა ძმებ ა. ი. და ნ. ი. ტურგენეებს (მათ ჟოზეფ დე მესტრის ხელნაწერები ჰქონდათ).

1831-1843 წლებში მიხეილ ბარათაშვილი საქართველოში საბაჟო მხარის მმართველად მსახურობდა, ცხოვრობდა ტფილისში, სოლოლაკში, გატაცებული იყო ნუმიზმატიკით. ტფილისში ის მელიტონ ბარათაშვილის ოჯახთან მეგობრობდა, განსაკუთრებით უყვარდა მელიტონის ვაჟი, პოეტი ნიკოლოზ ბარათაშვილი. ჯერ კიდევ მიხეილ ბარათაშვილის თბილისში ჩასვლამდე, ნიკოლოზ ბარათაშვილმა დაწერა ლექსი „ასტრა“, რომლის საიდუმლო, მისტიკურ შინაარსზე საკუთარ მეგობრებს წერდა. მკვლევართა ვარაუდით, საუბარი „ასტრეას“ დიად ლოჟას უნდა ეხებოდეს.

სიყვარულითა და პატივისცემით სარგებლობდა მიხეილ თუმანიშვილი თავად ალექსანდრე ჭავჭავაძის ოჯახშიც, რომელსაც ნათესავად ერგებოდა. 1819-1820 წლებში ჭავჭავაძე მონაწილეობდა საქართველოს დამოუკიდებლობის მიღწევისა და ქვეყანაში რეფორმების გატარებისათვის მომზადებულ შეთქმულებაში, რისთვისაც გადაასახლეს და სამშობლოში მხოლოდ 1834 წელს დაბრუნდა. ამ მოძრაობის ორი ხელმძღვანელი – სოლომონ დოდაშვილი და ფილადელფოს კიკნაძე თანაუგრძნობდნენ მასონთა იდეებს და შეთქმულების ორგანიზებისას იყენებდნენ მათ გამოცდილებას.

როდესაც მიხეილ ბარათაშვილმა საქართველო დატოვა და სიმბირსკში, საკუთარ მამულში დაბრუნდა, თავისი კოლექციაც თან წაიღო, თუმცა, შესაძლებელია, ეს ხელნაწერი დაუტოვა ან აჩუქა თავის ქართველ ნათესავებსა და მეგობრებს.

ხელნაწერით შეიძლება დაინტერესებულნი ყოფილიყვნენ ალექსანდრე და ნინო ჭავჭავაძეების, ასევე მანანა ორბელიანის სალონების სტუმრები და მასპინძლები. მანანაც, ისევე როგორც ჭავჭავაძეები, დაკავშირებული იყო 1832 წლის შეთქმულებასთან. მანანა ორბელიანის სალონის მუდმივ სტუმრებს შორის აღსანიშნავია თავადი მიხეილ სიმონის ძე ვორონცოვი, გენერალ-ფელდმარშალი, კავკასიის მეფისნაცვალის 1844-1854 წლებში, რომელსაც შესანიშნავი განათლება ჰქონდა მიღებული და ფრანგულ ენასაც თავისუფლად ფლობდა. თავად ვორონცოვი მასონი არ ყოფილა, მაგრამ მის მეგობართა შორის ამ ორდენის წევრი ბევრი გახლდათ.

თბილისში დაცული ხელნაწერი, რომელიც აერთიანებს და ჟოზეფ დე მესტრის შესავალსა და სენ-მარტენის თხზულებებს, საშუალებას გვაძლევს უკეთესად გავიგოთ მესტრის ნაწარმოებების გენეზისი, მასონური ტექსტების გამოყენება პოლიტიკურ ბრძოლაში პეტერბურგის სასახლის კარზე, ალექსანდრე პირველის მეფობის ხანაში, ასევე – მისტიკური იდეების გავრცელება რუსეთსა და საქართველოში.